

Старый Иркутск

На Дьячем острове боярский сын Похабов
Построил хижину, чтоб собирать ясак...
Прошли года в глухой тоске ухабов,
Века легли, как гири на весах.

Над летниками тесными бурятов
Сыченый дух да хмель болотных трав;
Сюда бежали, бросивши Саратов,
И вольный Дон, и старой веры нрав.

И город встал в пролете этом узком,
Суму снегов надевши набекрень,
И наречен он был в веках Иркутском,
Окуранный пожарами курень.

Вот он встает в туманах, перебитых
Неумолимым присвистом весны.
Немало есть фамилий именитых —
Трапезниковы, Львовы, Баснины.

Он богател. Его жирели тракты.
Делил полмира белыми дверьми,
И чай везли его подводы с Кяхты,
Обозы шли из Томска и Перми.

Он грузен стал, он стал богат, а впрочем,
Судеб возможно ль было ждать иных
От золотых и соболиных вотчин,
От ярмарок и паузков речных.

Он, словно струг, в века врезался, древний.
Рубили дом, стучали топоры,
Бродяги шли из Жилкинской деревни,
С Ерусалимской проклятой горы.

Он шлет их вдаль. Оборванные парни
Идут навстречу смерти и пурге,
Мрут от цинги в тени холодных варниц,
От пули гибнут смолоду в тайге —

Чтоб богател, чтоб наливался жиром
Купеческий, кабацкий, поторжной,
На весь немшоный край, над целым полумиром
Поставленный купцами и казной.

1933

Волокуша

Ты видел, скажи мне, в тайге волокушу?
Приладив стволы невысоких берез,
Впрягли их в упряжку и едем по суше,
Пока не увидим негаданный плес.

На той волокуше я ездил тайгою
На кроне березы, с вожжами, с кнутом,
Сидели мы молча, и ночью глухою
Нас ждал за пригорком бревенчатый дом.

Был прозван тот волок: «семь кедров, семь елок»,
Он шел по болотам, вгрызался в луга...
Припомнишь былое, как путь наш был долог...
Далекое детство, родная тайга...

Короткую присказку деда сложили,
Когда к океану их паузки плыли,
Что-де повидеешь всего на веку,
Как будто на длинном в тайге волоку.

Я вспомнил сейчас волокушу с «колодкой»,
И старый товарищ рассказывал мне,
Что долго он летней порою короткой
Искал волокушу в лесной стороне.

Искал он в сибирской тайге волокушу...
Но разве теперь сохранилась она?
Большие дороги изрезали сушу,
В борта теплоходов стучится волна,

А в синих раздольях гудят самолеты...
И в зимнюю пору и в летние дни
Небесных дорог над Сибирью без счета,—
Как русская песня, просторны они.

И вовсе уклад изменился дорожный —
С вилнойской зимовки за несколько дней
В большом самолете охотник таежный
Привозит в столицу живых соболей.

1948

* * *

Вот родная земля за Леной.
Кони ринулись с высоты.
Восьмигранная мать вселенной —
Так зовут тебя якуты.

И тропа отступает, пятась,
Снова песня поет в груди,
На обломанных соснах заеться —
След пробившихся впереди.

Как прозрачны речные воды
И отборны твои леса,
И богаты в горах породы,
Ослепительны небеса!

След прошедших в тяжелых катах
Над раздором лесных путей,
По кандалным дорогам каторг,
По тропам сорока смертей.

Хоть уйду от тебя далеко,
Хоть не той судьбой заживу,
Всё же в сердце стучит Олёкма,
Кони мнут по лугам траву.

А тайга убегает в горы,
Студенеет страна отцов,
И светлы на заре просторы
Всех пустынных ее гольцов.

1933, 1937

* * *

Года прошли — и сердцу пособили,
И жар остыл неукротимых лет,
По наледям моей родной Сибири
Прошел мой путь, как узкий лыжный след.

И может быть, среди других, мне равных
Пройду походкой медленной своей,
И невзначай строку повторит правнук,
Когда в снегах, как в думах, Енисей.

В глухую ночь в тайге кричит сохатый,
За много тысяч верст он слышит соловья.
Так я иду, кругом снегами сжатый,
Но знаю, близко выручка моя.

Ведь свет гостил в тех песнях небогатых
Придет пора — я другу принесу
Сказанья давних дней о кедрах и сохатых
Тайги сибирской дикую красу.

Два-три словца, в которых бродит солод,
Оставляю я иль песенку одну, —
В седой тайге, где звездный край расколот,
Всё будут славить девушки весну.

И этот край, прославленный и зримый,
Где каждый колос выстрадал я сам,
Как часть твоей судьбы неповторимой
Я по складам потомству передам...

1933, 1939

* * *

А на острове дальнем, где белое полымя вьюг,
Вспоминаю тайгу и ночную тоску перелесиц,
Поторжные дороги, как лето, уходят на юг,
И как ложка кривая — над старыми юртами месяц.

В соболиных следах потеряется след бурундучий,
Кренясь, вновь пробегают над брошенным прииском тучи.

Смута желтых снегов. Над озерами лед голубой.
В дымный край мерзлоты позабытый уходит забой.

Приискатели спят. Страшен прииск богатый в ночи.
С фонарями «летучая мышь» пробегают вдали копачи.

Человеческий фарт. Человеческой жизни удача.
Якуты постоят и на север уходят, судача.

Вдруг заржала кобыла, бежит жеребенок ее,
Это пулю ведет по коротким нарезам ружье.

Я ребенком еще по дорогам Сибири прошел.
Душны ночи ее, а заря — огуречный рассол.

Помню яркие звезды и воздух, как порох сухой.
Мимо летников братских, где кормят нас жирной ухой,

Мы уходим на север — ветер каторжный шастает прочь,
И с любой стороны наступает на прииски ночь.

Нам якут говорил: «Я рубахой клянусь, что не спятил,
Чертов сын в красной шапке, над пихтой подыметя дятел —

И, как рог, не промерзнет то дерево. Ветви его серебра,
Так, без стуку, над ним пролетит молодая заря».

Что же, сердце мое, ты опять меня смутой томишь?
Ведь уже отшумел по далеким болотам камыш,

И другая тайга от оврага бежит на овраг,
В экскаваторном шуме и яростной поступи драг.

1933

* * *

Заплетается вновь в перелесках весенняя вязь.
Снова горы багряные рвутся ко мне, громоздьясь.
Полуденник скользнет — не пройдешь, не отыщешь соседства.
Теплый ливень в гольцах. О, мое бесприютное детство!

Одиночество сердца, не знавшего детства. Глухие
Завитимские дали. За прииском — грохот телег.
В десять лет из отцовского тесного дома побег.
О дорожные камни изранены ноги босые.

И где путники пели — там след мой короткий прошел.
Злая хвоя в тайге осыпалась на дикое поле.
Мимо душных становий и черных загубленных сел
Я, как странник, прошел и узнал всю страну поневоле.

Песню пел мне шахтер о страданиях каторжных лет,
Пел рыбак, что до света в озера закидывал невод,
Как зажжется в снегах на соленых озерах рассвет.
Крепнет в сердце моем это властное слово напева.

То, что слышал тогда от солдат и прохожих людей,
От сказителей верных, в ночи, на дворах постоянных, —
Стало радостью сердца, и лучшею песней моей,
И свершеньем судьбы, и началом надежд небывалых.

1937

Что же, я знаю, рассказы твои пособили
 Радости первой, и воле, и доблести всей.
 Каторжный ветер кружил по размытым долинам Сибири...
 Реки сибирские: Лена, Иртыш, Енисей.

Сердце вселенной, открытое вечному шуму
 Хвойных лесов и грустящих о полюсе рек...
 Зоркий охотник таил вековечную думу.
 В лютых пожарах кончался прославленный век.

Мамонты ходят на древние стены Китая,
 Режет глаза поднебесная темная синь,
 Зыбким узором снегов азиатских пугая,
 Льдами морей и песчаным безлюдьем пустынь.

Детство свое перечту, как старинную повесть.
 Стонут орлы, и поблекла трава в сентябре.
 Поле в цветах, и безоблачно небо, как совесть.
 Я ли тот мальчик, который грустил на заре?

1937

Журавель задремал у колодца,
 Свечи жгут в деревянных церквах,
 Поздно вечером песня поется
 О летящих в Китай журавлях.

Как мне сызмальства это знакомо, —
 Там, где каторжный стынет централ,
 В тихой смуте холодного дома
 Я старинные книги читал.

Разбираться в кудрявом уставе
 Научил меня добрый старик...
 Звали вдаль журавлиные стаи,
 И орлиный мне слышался крик.

В нищем крае, где с золотом краденым
 Шлялись парни в двойных поясах,
 Где заря по глухим перекладам
 С горных рек собирала ясак,

Где насупились ель да ольшаник
 И во мхах не отыщешь следов, —

Мне рассказывал сумрачный странник
 О приволье больших городов.

По траве, теплым ливнем примятой,
 Стлался медленно дым-вертопрах,
 И бежал по возгорьям сохатый
 Со звездой на дремучих рогах.

Я до света в мечтах заповедных
 Своевольному зову внимал,
 Ярым топотом всадников медных
 Шумный город меня призывал.

Я мечтал тогда стать капитаном
 Иль в счастливые горы уйти, —
 По ночам, за пылающим станом,
 Все мои начинались пути.

Твоего не забуду наследства, —
 Звездный берег грозой потрясен.
 Снова кличет из бедного детства
 Этот утренний праздничный сон.